

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

МОБИЛЬНЫЙ
СВИДЕТЕЛЬ

Спецназ ГРУ

Михаил Нестеров
Мобильный свидетель

«ЭКСМО»

2012

Нестеров М. П.

Мобильный свидетель / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2012 — (Спецназ ГРУ)

Наемный убийца Александр Котик по заданию Главного разведывательного управления отправляется на Филиппины в Город Ангелов. Там он отслеживает и ликвидирует полковника Реутова, личного помощника весьма влиятельного человека в военных криминальных кругах. По стечению обстоятельств, Котик попадает в руки местной полиции. Он получает пожизненный срок и отбывает наказание в исправительном учреждении максимально строгого режима. Сотрудник ГРУ Сергей Карпов решает вытащить Александра из тюрьмы и разрабатывает план побега. Однако плану не суждено было воплотиться в жизнь: в самый ответственный момент операции все пошло наперекосяк...

© Нестеров М. П., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1	13
Глава 2	24
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Михаил Нестеров

Мобильный свидетель

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Частишки вещества из Козерога, Рака и Льва неожиданно стали слетаться навстречу друг к другу с поразительной точностью и слились в пульсирующее галактическое тело.

Дэвид Зельцер. Знамение

Вместо пролога

Цепная реакция¹

Себу, Филиппины, 2011 год

В Городе Ангелов была своя армия – армия проституток. Полковник Реутов чувствовал себя здесь как дома («Сам военный», – говорил он). Здесь он забыл обо всем. Здесь, в Эрмите (это довольно безопасный секс-район), у него была «временная регистрация». Он «прописался» ровно на две недели – пока не закончится его секс-тур. Прошло два дня, а он уже утрахался до тошноты. Но продолжал через силу, как будто представители Книги рекордов Гиннеса фиксировали его достижения.

Сегодня вечером он зашел в бар, в котором, как ему показалось, проституток было больше, а посетителей меньше. Так и было. В этом баре обслуживался начальник местной полиции, и в этот час его ублажали две филиппинки. За стойкой Реутов заплатил за одну и вскоре оказался в ее номере. Приняв тибетского зелья под названием «Глоток надежды», он через пять минут почувствовал влечение к молоденькой, лет пятнадцати, жрице любви. Он буквально потерял голову: схватил ее за плечи и одним рывком сорвал с нее платье с широким вырезом на спине. Бросив ее животом вниз на кровать, он разделся догола и взгромоздился сверху. Наркотик вытворял с ним нечто невообразимое. Ему казалось, он выпил яд и насиловал рыжеволосую ведьму. Гель на ее теле светился, как будто тысяча светлячков присосалась к ней. Кто-то бормотал в углу комнаты: «Яд. Флакон. Скорость. Химическая ошибка. Потенция сильная. Костная мука. Слизь». Он сходил с ума. Эта минута стоила целой жизни, потому что он вырвал ее из потустороннего мира.

Он упал спиной на кровать. Напуганная проститутка, схватив свою сумочку и порванное платье, убежала, сверкая разодранными в кровь ягодицами. Но через секунду вернулась и уже в образе молодого человека склонилась над ним: «И это вы называете отдыхом?» Полковник в ответ рассмеялся.

«Реагенты. Топливо. Плюс на плюс дает минус». Он словно отходил от наркоза. Ему стало тяжело дышать. Вместе с подушкой на него обрушилась и темнота. Его кто-то душил – он понял это в последнюю секунду своей жизни.

¹ Названия глав взяты из фильмографии французского киноактера Луи де Фюнеса.

...Саша Котик убрал с лица Реутова подушку. Полковник был мертв. Пора уходить отсюда.

Убийца открыл дверь комнаты и зажмурился от яркого света: не меньше пяти полицейских фонариков били ему прямо в лицо. Он выполнил первую команду: «На пол!» Потом вторую: «Руки за голову».

Три месяца спустя

– Номер 3417 – на выход!

Надзиратель короткой дубинкой указал на заключенного, облаченного в новую форму – оранжевые широкие штаны и черного цвета рубашку-распашонку с короткими рукавами. Тот поднялся и, заложив руки за спину, вышел в гулкий в этот час тюремный коридор.

Коридорный дубинкой постучал по скрещенным за спиной рукам заключенного:

– В следующий раз не делайте этого. Когда будет нужно – я скажу.

Он говорил на пиджин-инглиш – смеси английского, испанского, русского, шведского, французского и еще пары языков. Он возник здесь «*в ходе межэтнических контактов при острой необходимости достичь взаимопонимания*». На нем общались между собой американцы, китайцы, тайцы, те же французы и шведы, а также филиппинцы, которых в этой тюрьме было большинство. Шведов было всего двое, и оба отбывали пожизненный срок за эксплуатацию несовершеннолетних и организацию порночата. Это они прозвали русского Парнем из Руссиона. Он отбывал пожизненный срок за убийство.

Надзиратель сопроводил подопечного в подвальный этаж этого главного корпуса тюрьмы:

– Лицом к стене. Руки на затылок.

Набросив кольцо наручников сначала на правую руку, он завел ее за спину, потом на левую, повторив процедуру с ловкостью американского копа. Открыв тяжелую дверь камеры, он спросил разрешения ввести заключенного.

– Да, давай его сюда, – разрешил директор тюрьмы Уго Рамон.

В декабре этого года Рамону исполнилось сорок шесть. Он активно сотрудничал с американскими военными и не делал из этого тайны. Заключенные для него были заключенными, лишенными всех прав и свобод. Тюрьма была местом, где они отбывали наказание, а работа Рамона заключалась в том, чтобы на свободу они вышли с чистой совестью. Сегодня в девять с четвертью у него состоялся телефонный разговор с начальником американской военной базы, дислоцированной в зоне видимости филиппинской тюрьмы. Тот попросил директора допустить к допросу русского «двух парней из ЦРУ». Рамон не стал отказываться. Он отвел под допрос отдельное помещение в подвале и лично показал «хорошим парням» его отличную акустику. Один из них отозвался об этих метровой толщины стенах как о носителях информации: сколько стонов, криков, сколько лжи и правдивых признаний хранят они в себе... Уго Рамон предпочел не комментировать это замечание.

– Сними с него наручники, – приказал он конвоиру. И обратился к американцу: – Если я вам больше не нужен...

– Да, да, можете идти. Большое спасибо. Вы тоже свободны, – отпустил тот конвоиров. Третьим человеком, к которому он обратился, был русский заключенный: – Присаживайтесь.

Саша Котик принял приглашение и сел за металлический столик. По другую сторону устроился его визави. Его напарник – лысеющий блондин неопределенного возраста и с невзрачной внешностью остался стоять в стороне с безучастным видом. Ему бы подошла роль человека-невидимки.

– Давайте вашу руку. Я измерю вам артериальное давление.

Он надел манжету на руку заключенного и закачал в нее грушей воздух. Стравливая его, он смотрел на показания регистратора пульсации.

– У вас чуть повышенное давление – сто сорок на девяносто. Думаю, продержится оно еще несколько дней. Вам нужно время для адаптации в этом заведении.

Американец убрал тонометр и приготовил диктофон. Бросил взгляд на компактную цифровую видеокамеру «Кэнон» с электронным затвором и жидкокристаллическим экраном, уже находящуюся в режиме съемки.

– Ответьте на несколько наших вопросов, – предложил он. – Во-первых, вам не хотелось бы узнать, кто мы?

– Мне наплевать. Я не стану отвечать на ваши вопросы. Я получил срок и хочу отсидеть его.

– Если вы правдиво ответите на наши вопросы, мы постараемся смягчить режим, а он, если вы еще не поняли, – maximum security penitentiary². Вы лжете, когда говорите, что хотите отсидеть срок: каждый заключенный не откажется выйти хотя бы на день пораньше. Мы поборники правды и хотим помочь вам облегчить душу. Нам нужны ваши правдивые показания. Нет?.. – Американец покачал головой, как бы сожалея: «Я вас предупредил».

Он подошел к двери и открыл ее. Подчиняясь его знакам, в помещение вошли конвоиры и, побросав дубинки, схватили заключенного за руки. Американец открыл коробку, похожую на футляр от перьевой авторучки, и освободил его от первого шприца.

– Руку на стол, – скомандовал он голосом доктора Менгеле, проводившего опыты на узниках Освенцима и прозванного Ангелом Смерти. – Я сделаю вам внутривенный укол. Будете сопротивляться, я введу сыворотку быстро, и ваше давление резко упадет. Без квалифицированного врачебного вмешательства вам не выжить, вы понимаете меня?.. Отлично, сидите спокойно.

«Ангел» ввел заключенному тиопентал натрия и триметилксантин, этакий усиленный вариант «сыворотки правды», и продолжил оказывать давление словами:

– Через пять минут ваше сознание станет подавленным. Ваше артериальное давление и ударный объем сердца понизятся, мышцы расслабятся. Через пять минут вы станете самым правдивым человеком. Увы, сотрудничеству вы предпочли дорогостоящую процедуру, и режим вашего содержания останется прежним: максимально строгим. Чувствуете головокружение? Поднимите руку, скажите что-нибудь.

Котик вспотел и был похож на Морфеуса, которому агент Смит ввел электронный аналог «сыворотки правды». Он поднял руку – медленно, как парализованный, прикладывая максимум усилий, и не смог удержать ее на весу...

– Хорошо, вы готовы. Он готов, – обратился «Ангел» к своему напарнику. Тот снова никак не проявил себя.

Он сам подошел к двери, открыл ее, выпуская конвоиров, и вернулся на место.

– Назовите ваше имя, фамилию, – начал он с простого.

– Александр Котик. – Пока еще заключенный нормально владел языком, однако с каждым словом речь его становилась тяжелее, как будто он сидел в стоматологическом кресле после обезболивающего укола.

– Вы состоите в штате военной разведки?

– Нет.

«Ангел» смотрел ему в глаза и мысленно констатировал: «*Это правда*».

– Вы работаете на военную разведку России?

– Да.

«*Правда*».

– Вам приходилось убивать?

² Тюрьма максимально строгого режима.

– Да.

«Правда».

– Вы получали деньги за успешное выполнение контракта?

– Да.

«Правда».

– Вас устраивала сумма вознаграждения?

– Да.

«Правда».

– Назовите имя вашего куратора из ГРУ.

Вместо ответа из груди Котика вырвался стон, как если бы он сказал себе: «Стоп!» Его правдивость споткнулась о конкретного человека. Сам он не в силах был скрыть свою косвенную принадлежность к разведывательному ведомству, но не мог предать вполне определенного, реального, живого человека. Предательство в его понимании – не отказ от прежних взглядов и привычек, а переход на сторону врага, нарушение верности, клятвы. Этот внутренний стопор не мог сломать ни один наркотик.

– Нет.

– Что – нет?

– Я не назову его.

«Ангел» ничего не понимал. Он отдавал себе отчет в том, что русский был сильной личностью и мог скрывать свои убеждения, но прямого отказа отвечать на вопрос он не ожидал. Он даже взял в руки шприц и повертел его в руках... Впервые «сыворотка правды» не сработала. Впервые напичканный химией подопытный буквально сорвал эксперимент. Впрочем, сорвал – сильно или преждевременно сказано. Нужно продолжить допрос и добиться других ответов.

– Кого вы устранили на Филиппинах?

– Полковника Дмитрия Реутова.

– Кто он? Расскажите о нем подробнее...

В это время в своем кабинете директор тюрьмы принимал штатного хореографа.

– Присмотрись к новичку, Рональд.

– Кто он?

– Русский.

– Русский танцор?

– Еще какой! Сейчас он пляшет под дудку янки. Я не задел твоих патриотических чувств?

– Мне начхать... Как сказал один мой знакомый – тоже патриот и тоже черный, как я:

«Я ненавижу расистов, особенно белых».

Москва

Генерал Валерий Паршин прочел две статьи, опубликованные в электронных СМИ. К первой прилагался аудиофайл – как начало беседы в аудиоформате.

«Назовите свое имя и фамилию».

«Александр Котик».

«Вы работаете на военную разведку России?»

«Да».

«Вам приходилось убивать?»

«Да».

«Вы получали деньги за успешное выполнение контракта?»

«Да».

«Кого вы устранили на Филиппинах?»

«Полковника Дмитрия Реутова...»

На этом аудиозапись «по техническим причинам» обрывалась.

«Кто он, расскажите о нем подробнее».

«Его называли Вовкой – Военно-Воровской Кассир. Он был хранителем наличных денег и ценностей генерал-лейтенанта Паршина».

«Кто он?»

«Паршин – экс-глава Департамента отчета и отчетности Минобороны, очень влиятельный и авторитетный человек в мире военного криминала. Считалось, если убрать Реутова, то Паршин не сможет получить доступ к значительной части своих наличных».

«Речь о крупной сумме?»

«Это сотни миллионов рублей, долларов, евро. В этом задании я впервые выполнял роль оперативника. По заданию моего куратора я сблизился с парнем из окружения Паршина, Олегом Лобовым, капитаном-танкистом в отставке. Проще говоря, я втерся в доверие к нему. Убрать Реутова оказалось сложно. Но нам представился шанс сделать это за границей. Реутов собрался на Филиппины. Это был третий его визит на острова, и носил он прежний характер: он поехал за сексом. А здесь секс «самый фантастический и экстремальный». Я купил путевку в Город Ангелов и прилетел в Манилу на сутки позже, чем Реутов. По стечению обстоятельств в заведении, в котором обслуживался Реутов, постоянным клиентом был шеф местной полиции. Он вызвал подкрепление на жалобу проститутки, с которой Реутов обошелся жестко. Я убрал полковника, но уйти не смог: меня арестовали...»

Заявление представителя Минобороны Российской Федерации (опубликовано на официальном сайте военного ведомства в связи с распространением в Сети материалов о принадлежности А. Котика к серии убийств, заказчиком которых, по словам авторов материалов, выступала военная разведка Российской Федерации):

«Александр Александрович Котик, осужденный филиппинским судом за совершение тяжкого преступления, не привлекался российскими военными структурами к каким бы то ни было работам. Соответственно не получал никаких поручений (заданий) из органов военной разведки Генштаба ВС.

А.А. Котик действительно проходил срочную службу в войсках специального назначения. В 2007 и 2008 годах предпринял попытки поступить в военное училище, для чего подал заявления в военный комиссариат по месту жительства. На этом связи А.А. Котика с любыми военными структурами ВС РФ прекратились».

Назвав полковника Реутова мягко – уродом, генерал Паршин тотчас взорвался, как будто это слово стало кодом запуска его гнева.

– Я сто раз говорил этому необструганному уроду, что рано или поздно секс-утехи сведут его в могилу. Оторвался, падла!

Нельзя было его отпускать за границу, нельзя! Паршин чувствовал (только проверить не мог), что Реутов подсел на наркотики. Майор Хорьков сделал в его квартире обыск и выложил перед шефом препарат, в названии которого фигурировало английское слово bullet – пуля, – и инструкцию по применению препарата. Паршин допустил ошибку, посчитав препарат для повышения потенции именно тем снадобьем, на которое подсел Реутов. Дело обстояло куда хуже. Судебные медики Филиппин обнаружили в его крови лошадиную дозу кокаина. Вряд ли это Котик напичкал его – Реутов только что не ржал, насилуя проститутку. Наркотик вознес его до небес, и он увидел червей, которых раньше принимал за людей. И прихватил с собой чемодан с пятью миллионами долларов.

Словно не доверяя своей памяти, Паршин открыл сейф и вынул коробку из-под обуви. В этом картонном хранилище берег украшения с драгоценными камнями отставной полковник Реутов. В этом плане ставший наркоманом офицер переплюнул тех хитрожопых, которые прятали письма в почтовом ящике.

А может быть, подумал генерал, Реутов спустил часть денег? Только часть. Он надеялся, что не все. Пять миллионов долларов – это немалая сумма. Это цена одной и самой успешной аферы генерала Паршина.

Офис Валерия Паршина находился на Малой Никитской улице, до 1993 года – улица Качалова, рядом с доходным домом архитектора Шишковского. Небольшой, может быть, даже тесноватый кабинет был оформлен в стиле хай-тек: стекло, металл, пластик, мебель без декоративной отделки. Он пресытился приторным классическим стилем, в котором, в частности, был оформлен его кабинет в Минобороны: натуральное дерево и кожзаменитель, натуральный шелк – в общем, все характерное для оформления кабинета руководителя. Особое внимание генерал уделил освещению. Его кабинет был так ярко освещен, что каждый, кто впервые перешагивал порог кабинета, по меньшей мере щурился.

Свой первый капитал Паршин сколотил, не выходя из своего «классического» кабинета, и случилось это при распределении средств, выделенных Минобороны на развитие ядерного оружейного комплекса Российской Федерации: стоимость работ была завышена на полторы сотни миллионов рублей, и часть этой суммы Паршин положил себе в карман. Двести миллионов рублей было похищено фактически из того же источника – при реализации строительных работ в интересах войск, в том числе с участием фирмы «Гепард-S», теневым руководителем которой являлся Валерий Паршин. Военные прокуроры устроили на него настоящую охоту, когда в ходе контрольных обмеров выявили «астрономический факт завышения стоимости работ и смонтированного оборудования» по меньшей мере в двух случаях. Травлю возглавил лично военный прокурор Дмитрий Рамаданов. По материалам прокурорской проверки в отношении генерала Паршина и «некоторых коммерсантов» был возбужден ряд уголовных дел по статье «Мошенничество и злоупотребление должностными полномочиями». Однако довести их до суда Рамаданову не довелось. Мало того – Паршин повязал его своими знакомствами с влиятельными лицами по рукам и ногам, а вскоре выбил из-под него прокурорское кресло. Это было в 2005 году. Годом позже Паршин оставил военную службу и вышел из тени. Еще два года – и он сделал пробные шаги в политике.

Подчиненные Валерия Паршина перелопатили гору материала на филиппинскую тюрьму, но не нашли, за что зацепиться. А генерал требовал одного: «разобраться с Котиком». Нет, он не устанавливал сроки (месть, по его неуклюжему выражению, не имеет срока давности), он по-военному четко ставил задачу: разобраться и доложить.

Единственным человеком из его группировки, который хотя бы раз побывал на Филиппинах, был покойный отставной полковник Дмитрий Реутов, остальным секса хватало в России, в Москве, а некоторым даже на одной лестничной клетке. Славившийся, как купец, своими связями, в данном и конкретном эпизоде Паршин оказался бессильным. Это в российской тюрьме можно подкупить заключенных, и они выполняют заказ – за деньги, за дозу, за те же посулы дать им свободу раньше срока... Как подкупить филиппинского заключенного в филиппинской тюрьме? Сам генерал назвал этот казус своим именем – «биномом Паршина». Казалось, эту формулу не решить, однако майор Хорьков из его ближайшего окружения пусть не решил задачу, но предложил некую форму ее решения. В Сети он набрел на одну любопытную заметку. Из нее следовало, что...

В филиппинской тюрьме, в которой отбывал срок Саша Котик, сложилась традиция: заключенный выходил на свободу и селился в номере, «вышитом» на его тюремной робе. Если он этого не делал, то, по статистике, снова попадал в тюрьму, и «тюремный мониторинг» зафиксировал пять таких случаев. Со временем традиция могла оборваться, поскольку

номера были индивидуальными и не зависели от срока заключения: нумерация не прекращалась и росла с каждым новым каторжанином. Традиция нашла поддержку в лице предприимчивого филиппинца Моисея Сото. Нет, он не построил небоскреб, он воздвиг одноэтажный мотель-отель, назвав его просто – El Hotel Libertad – «Свобода», и снабдил двери наборными табличками (фотография счастливого Сото и его отеля прилагались). Он спрашивал очередного клиента, какой номер тот хотел бы снять, и, получив ответ, натурально набирал номер на двери, в его представлении походившей на банковскую: она принесла ему еще несколько десятков песо. В этой связи его заведение получило известность, и в номерах стали останавливаться иностранцы.

– Какой номер у Котика?

– Тридцать четыре семнадцать.

3417. Этот номер, отпечатанный на арестантской робе Саша Котика, автоматически отпечатался и в памяти генерала Паршина... Он несколько раз смотрел флешмоб из филиппинской тюрьмы максимально строгого режима и сделал пару скриншотов. Он был уверен в том, что эти снимки с экрана – самые последние, они же самые свежие. Насколько он мог судить, Саша Котик был из породы людей, рожденных свободными, и не в стерильной палате роддома, а на лоне природы, тут же закаленными свежим ветром. Генералу не верилось, что Котик состарится и умрет в этом филиппинском остроге. Не важно, все или не все он взял от жизни. Важно другое, перевернутое мнение: он ничего не сможет взять в застенках. Тоска возьмет его за горло. И он станет первым хищником, наложившим на себя руки. Он умрет у подножия своей горы, к вершине которой стремился, стоя по колено в озере собственных слез. А вообще, что может увидеть человек, добравшись до вершины своей горы? В первую очередь он увидит след, окропленный потом и кровью снег. Только потом перед ним откроется красота долины у его ног. И когда он надышится, насладится чистейшим горным воздухом, вся красота и мудрость простершегося перед ним мира – когда выше него окажутся только звезды, – только тогда его душа очистится от скверны, а путь к родным пенатам будет короток.

Для Саша Котика генерал придумал более короткое и менее лирическое определение: жизнь в яме для него – позор. А выбраться из нее – ему не суждено. Ему на роду было написано стать офицером. Но чего не вышло, того не вышло.

Такие мысли приходили в голову генерала не потому, что он отличался добросердечием, – чаще всего они рождались под воздействием его любимого дагестанского коньяка. Но ему ни разу не приходило в голову записать какую-то свою мысль. Он забывал их, ничуть не жалея об утрате, как будто ни с кем не хотел ими делиться. Придет другое время, придут другие, не менее красивые, а может быть, не менее уродливые мысли.

– Нет, это не выход, – покачал головой генерал. – Это скорее наказание. Позови-ка сюда этого... все время забываю его фамилию – танкиста Лобова. – Действительно, Паршин пока еще не наказал подчиненного. Противник обыграл самого Паршина, используя Лобова как инструмент.

Олег Лобов едва не закрыл глаза ладонью, перешагнув порог его ярко освещенного кабинета.

– Давно не виделись, Олег, – первым приветствовал его Паршин.

Тот буркнул что-то нечленораздельное и подошел ближе к генералу, однако присесть на свободный стул не решился.

– Сделай-ка для меня вот что. Но для начала прочти статейку. Присядь, в ногах правды нет.

Лобов прочел статью дважды и ничего не понял. И только с третьего раза до него дошло: во-первых, ему предстояло узнать точно, в каких гостиницах есть номер 3417. Во-вторых...

– Но когда же Котик там появится? Ему же пожизненное впаляли.

– Кто сказал, что он там должен появиться? – Генерал артистично усмехнулся. – Отбывай наказание вместе с ним. Тебе, надо сказать, повезло больше, чем твоему другу. Устраивайся вышибалой, парковщиком – мне без разницы.

Теперь, когда наказание было определено, Паршину стало «без разницы» – устроится ли Лобов в высотную гостиницу или нет. С глаз долой. Не будет под рукой человека, который напоминал бы ему об обидном поражении. Но он не расстался с мыслью узнать имя человека, который стоял за этой дерзкой операцией. И еще: он хоть что-то сделал. Хотя это «что-то» было похоже на плевков в эпицентр бушующего пламени.

Глава 1

Дьявол и десять заповедей

Москва

Сергей Карпов столкнулся с красивой, статной женщиной на выходе из парфюмерного бутика. Он выходил, купив дезодорант и туалетную воду, она только собиралась сделать свой выбор.

– Мир тесен, – бросил Карпов начало знаменитой фразы Брижит Бардо – как пароль, чтобы услышать продолжение-отзыв: «Все в конце концов встречаются в постели».

– Сколько лет, сколько зим.

Корбут улыбнулась ему одними губами; глаза у нее остались холодными, даже настороженными. Кто его знает, подумал Карпов, может быть, это столкновение в бутике Алла посчитала срежиссированным, а не случайным.

– Я могу тебе помочь? Я разбираюсь в парфюмерии, – выдал он корявую фразу. Ему следовало бы сказать: «Я знаю твои предпочтения». Он действительно знал обожаемую Аллой марку духов – это «Шанель № 5». Только в эту минуту он уловил нестареющий аромат этих духов – когда посторонился, пропуская полную, лет пятидесяти, женщину, и буквально сблизился с Аллой. Вот тогда все ароматы бутика, выпущенные из стеклянных и хрустальных флаконов, померкли перед одним, обладательницей которого была одна из самых привлекательных и сексуальных женщин.

Это был ее аромат. Она была рождена для него, а он – для нее. Невозможно представить терпкий, более современный аромат, исходящий от Аллы; она была вне времени и пространства.

– Почему бы и нет, – ответила Корбут на вопрос Карпова.

Он ждал именно такого скользкого, как петля, ответа.

Она прошла в бутик. Карпов не мог не оценить ее фигуру, внешность в целом: «Какая же ты красивая, сука!»

– Я могу пройти с этим? – Карпов приподнял на уровень лица фирменный пакетик с веревочными ручками.

– Да, – последовал ответ охранника, с трудом оторвавшего свой прилипчивый взгляд от стройных ног этой тридцатипятилетней женщины.

Она никуда не торопится, пришел к выводу Карпов, иначе напрямик направилась бы к отделу с парфюмерией дома Шанель. И вообще, здесь трудно представить себе спешащего человека, забежавшего перехватить пару духов. Это не ароматная забежаловка, здесь нет ни одного уголка, которое бы поторопило тебя (даже одуревшие от запахов продавщицы не спешили пристать к посетителю с извечным предложением помощи). Здесь нет места желанию купить все или много всего, здесь властвует другой принцип: *сделать правильный выбор*.

Алла остановилась в отделе Эсте Лаудер и взяла со стеклянной полки неувядающий шедевр еще одной мадам – американки Лаудер: «Роса юности».

– Отдает «Опиумом», – назвал Карпов «настоящий культ 20-го века». И его «отдает» вызвало на губах Аллы улыбку, как если бы они стояли за столиком в рюмочной и давили дешевый коньяк, отдающий клопами.

Карпов ответил Алле взаимностью. Переложив пакет в левую руку, он правой рукой мягко, но настойчиво потянул женщину в самый дальний уголок магазина. Не говоря ни слова, он снял самые дорогие духи (он разочаровал бы Аллу, если бы преподнес ей ее же любимые «Шанель № 5», он выбрал те, что нравились ему в женщине и сводили его с ума). Это были духи «Джой» Жана Пату, суть изысканности и роскоши, настоящее произведение парфюмер-

ного искусства, как будто созданные для ритуала изгнания дьявола мировой депрессии, охватившей планету в конце 20-х годов прошлого столетия, «духи для женщины, чья сияющая красота притягивает взгляды окружающих». Карпов действительно был ценителем «высокой парфюмерии» и мог рассказать об этом отдельном творении много интересного. Но вместо этого он открыл флакон, сорвав, как пломбу, золотую тесьму с горлышка, заставив Аллу вскинуть в удивлении брови, а консультанта – вздрогнуть: этот флакон был изготовлен из цельного куска горного хрусталя баккара, а футляр его украшен и отделан внутри дорогой тканью, и стоил он в разы дороже стеклянного. Карпов выпустил из этого флакона утренние ароматы болгарской майской розы, наполнил зал жасмином с полей Грасса. Вокруг расцвели пряная орхидея и дурмящий иланг-иланг, а с сандалового дерева лениво зевнула, источая животный запах, цибетовая кошка...

– Разреши сделать тебе подарок...

– Надо сказать, очень дорогой и неожиданный... Спасибо. – Алла не стала ломаться и отчасти возместила Карпову материальный ущерб новым витком удивления и новой (такую он на лице Аллы никогда не видел) улыбкой.

Она пошла впереди него, но вот в середине зала остановилась и круто развернулась.

– Кстати, что ты купил для себя?

Она как будто отдала ему должное за его первую корявую фразу («я разбираюсь в парфюмерии»).

Карпов открыл пакетик и извлек из него одеколон Visit for Men.

– Этот аромат – история встречи мужчины и женщины в городе. Он путешествует по миру в поисках нового и неожиданного. И вдруг встречается с ее – загадочную незнакомку и влюбляется с первого взгляда. Случайная встреча, быстрый взгляд... Если ты вдохнешь аромат этого одеколona, ты его не забудешь.

Даже дизайн флакона сочетал в себе черты крыла самолета и носа корабля, а его прозрачность говорила о том, что он поехал по миру.

– Звучит красиво и даже заманчиво. Но... – Алла покачала головой. – Ты же слышал о моей верности одному человеку.

Карпов не стал портить финал этой встречи уточнением «из другой оперы»: «Ты говоришь о человеке, который отбывает пожизненный срок в филиппинской тюрьме?» От Саши Котика, верность которому хранила эта красивая женщина, сейчас воняло потом, меткой домашнего кота, ногами немытого сокамерника и страхом перед будущим, заботливо окруженным колючей проволокой. Это вам не пахучая древесная смола, серая амбра и мускус нового одеколona от французского дизайнера.

...Карпов поднес визитку Аллы к лицу и понюхал ее – как пробник в бутике, который он оставил пять минут тому назад. Минуту назад она умчалась на такси, оставив «на всякий случай» свои новые координаты. Ну он-то – понятно, уже растолковал, зачем забрел в ароматную лавку в центре столицы: чтобы обрести шарм от случайной встречи, быстрого взгляда, соблазна. А вот Алла – она-то получила желаемое? Откроет ли она тяжелую крышку хрустального флакона? Он надеялся на то, что аромат «Джоя» сплетет перед ней образ искателя приключений...

У Сергея Карпова не было своего загородного дома. Он снимал дом на Серебряном пруду, фасадом смахивающий на дом Элвиса Пресли в Мемфисе. Хозяин (генерал из финансового управления в отставке) надолго уехал за границу, и Карпов платил ему тем, что поддерживал в доме порядок, оплачивал газ, электричество, охранные услуги. За четыре года он привык к этому дому, сжился с ним и всего пару недель провел вне его стен – когда хозяин на время приехал в Россию.

Вечерело. Карпов вышел во двор, подсвеченный дежурным, словно угасающим, как вечерняя заря, светом. Выбрав местом отдыха скамейку напротив бассейна, он прикурил, твердо решив бросить окурочек в воду. И не смог объяснить своего желания. Он вышел во двор с бокалом вина...

Удивительно, но он не замечал двухметрового забора, отгораживающего его от соседей и дороги. Может быть, потому, что соседи были нешумными, а дорога – незагруженной. Он походил на путника, нашедшего свой оазис, и ему заранее было жаль расставаться с ним; он то ли в шутку, то ли всерьез подумывал убить хозяина дома с целью завладения его нечестно нажитым имуществом, и эта «недоофициальная» формулировка всегда вызывала на его тонких, упрямо сжатых губах улыбку. Но самое интересное заключалось в том, что он действительно мог убрать хозяина дома со своего пути...

Карпов сдержал данное самому себе обещание и выбросил окурочек в сероватую, как будто речную, воду.

Весь этот день он жил впечатлениями о встрече с Аллой Корбут и не считал ее случайной (все в этой жизни закономерно, был уверен он). С Аллой он познакомился здесь, во дворе этого дома, ровно четыре года тому назад, когда Карпов только-только привыкал к новому жилищу. Он ждал Сашу Котика, и вот раздался звонок в дверь. И когда он гостеприимно распахнул ее – увидел прекрасную незнакомку. Он не спросил, чем он обязан ее визиту, не ошиблась ли она дверью, – он широким жестом руки пригласил Аллу войти. И она приняла его приглашение. И спокойно смотрела, как он закрывает дверь, как запирает ее на кованый засов, как подносит зажигалку к сигарете в ее ярко накрашенных губах. Он не был навеселе, однако сделал гостье предложение, как если бы принял изрядную порцию вина:

– Выпьешь со мной?

– Почему бы и нет?

Из ее уст эта избитая фраза звучала по-другому, как... И только теперь он уловил аромат ее духов, спутать который ни с одним другим было невозможно... А может быть, подумал он, кто-то из его знакомых подшутил над ним, и эта девица – проститутка? Он собрался было закрыть этот вопрос, но ему помешал стук в металлическую дверь. «Саша Котик, – сморщился Карпов. – Как же он некстати». Причем он не связал *приход* Саши с *визитом* этой женщины.

– Извини меня, я на минутку, – сказал он, открывая дверь и сожалея, что одной минутой он не обойдется: визит Котика носил деловой характер, им предстояло обсудить детали устранения одного московского финансиста. И еще мысль о минуте: он знал эту женщину всего минуту, но почувствовал непреодолимое влечение к ней.

Котик перешагнул через порог, поздоровался с Карповым за руку, кивнул головой на Аллу, спросил:

– Вы уже познакомились?

Карпов тихо взорвался:

– А тебя где черти носят?

– Я расплачивался с таксистом.

Да, да, покивал «нынешний» Карпов в такт своим мыслям. У Саши Котика никогда не было своей машины, он пользовался услугами такси или частника, и это несмотря на то, что водитель он был классный.

Тогда Карпов быстро остыл, жалея, впрочем, о двух вещах: что не смог остаться с Аллой наедине и что она оказалась подружкой Саши. (Тот факт, что она окажется натурально боевой подружкой, он узнает позже, вот сейчас, когда спросит у него, понизив голос, чтобы Алла его не услышала.)

– А еще пару баб ты не мог прихватить на деловую встречу?

– У нас нет тайн друг от друга.

– Правда? – помогая себе глазами, спросил Карпов.

На его взгляд, этой телке с роскошными ногами было что скрывать. В ее греховном, от Шанель, шлейфе прятались десятки порочных связей. Потом Карпов спросит: «Ты что, серьезно? Мы что, при ней будем обсуждать детали убийства?»... С Сашей Котиком у него намечался третий контракт, и первый – с парой Котик – Корбут. А вместе они образовали трио: Карпов, Котик, Корбут, Три «К». Как ку-клукс-клан. Поначалу Карпов запал на Аллу и мечтал только переспать с ней. Но с каждым днем его все больше преследовали ее красивые, с небесным отливом глаза. И он горько усмехался: «Глаза не трахнешь». Но как окунуться в воды, в которых купался сам Саша? *Котик не простит измены*. Не простит ни Алле, ни самому Карпову – раздаст каждому по пуле, и дело с концом. Карпов *даже* попытался «найти утешение в Боге»; десятая библейская заповедь гласила: *«Не возжелай жены ближнего твоего...»* Легко сказать... Он начал бояться своего состояния, похожего на зависимость от женщины, похожего на любовь (а что, если это действительно любовь?). Он искал утешения на стороне, каждый раз изменяя своему идеалу и называя себя гребаным воздыхателем. И вот одним прекрасным днем все это закончилось как-то само собой: Саша взялся за новую для него работу, за границей, на Филиппинах, у черта на куличках. С работой справился ровно наполовину: клиента устранил, а сам забыл «вернуться на базу». Ему грозила смертельная инъекция, однако филиппинский суд заменил ампулу с ядом на камеру со спертым воздухом (что лучше – знает только Саша). Карпов дистанцировался от Аллы, дав новое название своим чувствам к ней: дурь. Дистанцировался потому, что Саша мог пойти на сделку со следствием и сдать Карпова как посредника между заказчиком и исполнителем по крайней мере в семи эпизодах – ну хотя бы ради смягчения условий содержания в тюрьме. Прошло время. Карпов поостыл к Алле, даже начал забывать ее, как вдруг – эта встреча, пересечение двух ветров, смешение двух ароматов. И все подзабытые чувства в нем обновились. Пожалуй, они стали ярче.

Пожалуй, да.

Карпов никогда не считал Сашу соперником, а вот сейчас подумал о нем в таком ключе: соперник далеко, соперник за решеткой. Просто обалдеть, в какой он дыре.

Обновление. Апгрейд. Только теперь Карпов начал понимать, насколько важна эта процедура. Сердце его заработало в ином ритме, и он ничего, ничего не мог с собой поделаться. А может быть, не хотел. Скорее всего – не хотел.

Он вернулся в дом за вторым бокалом вина. Когда снова устроился на скамейке и бросил взгляд на водную гладь бассейна, он увидел окурочку у борта, как будто его прибило течением.

Карпов (по имени его называли редко и то с прононсом – Серж) разрывался между глупостями, которые лезли ему в голову, и чуть хмельными мыслями о важном событии, которое пришлось на... Он даже посмотрел на часы, отмечая дату и время. Это случилось два дня тому назад. Он запустил браузер, пробежал новости на домашней странице, бросил взгляд на колонку обсуждаемых в блогах новостей. Брови его сошлись на переносице, когда он прочел:

«Рональд Кейн дает мастер-класс в ночном таллинском клубе «Посторонним вход воспрещен»; тур американского дансера и постановщика танцев продлится десять дней».

Пока еще не поздно.

Карпов вынул из нагрудного кармашка тенниски визитку Аллы Корбут и снова поднес ее, как пробник, к лицу. Он уловил запах «Джоя», выдавая желаемое за действительное. Он благословит тот день, когда вдохнет аромат этих духов и прочтет по глазам Аллы: «Это твой подарок, не забыл?» Впрочем, никаких подписей не потребуется.

Сергею Карпову исполнилось в прошлом году сорок, а вот сейчас мыслями, настроением и желаниями он смахивал на подростка. Именно мысли, настроение и желания сорвали с него множество календарных листов.

Стемнело, когда он, отчетливо осознавая, что в голове у него зреет конкретный план, набрал номер телефона Аллы. Она ответила после шестого или седьмого сигнала.

– Привет, это я, Карпов, – как всегда, он назвался по фамилии, опуская имя.

– Я догадалась.

– Потому что я единственный незнакомец в твоих входящих?

– Можно сказать, я предчувствовала твой звонок.

– Звучит многообещающе.

Пауза, подталкивающая его к продолжению беседы.

– У меня к тебе есть разговор. Если хочешь – серьезный. Если хочешь – деловой.

– Тема?

– Три «К». Ты, я и Саша. Заметь, я не выключил Сашу из списка.

– Хорошо. Если это соломинка – я ухвачусь за нее. Где и когда ты планируешь встречу?

– Ты знаешь место. Завтра в семь вечера.

– До завтра.

Алла принесла с собой аромат революционной композиции. От нее веяло канангой с Коморских островов, бурбонским ветивером, всем тем, чем славилась легендарная «французская пятерка». Для «Джоя» рановато, простодушно подумал Карпов, вырывая из этого букета еще один запах – сандалового дерева.

Стройные ноги Аллы обтягивали джинсы, верх – наоборот, свободный: пуловер на пару размеров больше. Неизменной оставалась прическа – паж, как у Барбры Стрейзанд. Алла подражала «смешной девчонке» и не делала из этого тайны; наличие близких черт она подчеркивала макияжем. В этом вопросе она была профессионалом и обучила технике грима Сашу Котика.

Карпов проводил женщину к бассейну. В этот раз напротив «капитальной», на гранитной основе, скамейке нашел себе место легкий и низкий столик, сервированный фруктами, вином, минеральной водой.

– Здесь мало что изменилось, – заметила Корбут, принимая от Карпова бокал с вином.

– А что тут может измениться? – он пожал плечами. – Был бы этот дом моим, я бы кое-что поправил, кое-что снес, кое-что воздвиг. Как настроение? – сменил он тему.

– Как настроение? – Она повторила жест Карпова, и под трикотажем пуловера четче обозначились ее худые плечи. – Настроение – лишь бы утром не сказать: «Сука, чем я думала вечером!»

Они не виделись год. За это время Алла стала, скорее всего, разборчивее в выборе выражений, а точнее – в выборе мест. Например, в бутике она не позволила себе ни одного грубого слова. В бутике царил неповторимая атмосфера, а оттенок ей придавало романтическое настроение самого Карпова.

– По телефону ты сказал что-то про деловой разговор. – Она развела руками и повела головой, как бы спрашивая: ну и где он? – Я услышала: «Ты, я и Саша». Если ты решил поиграть на чувствах – берегись.

Напрасно Карпов выискивал в ее глазах мстительные искры, оттого ее угроза прозвучала веско и реально. Карпову не стоило забывать, что эта женщина была безжалостной. Точнее, безжалостной она могла стать по желанию или обстоятельствам. А вот расчетливой она была всегда. Опять же – это со ссылкой самого Карпова на то, насколько он знал Аллу, а знал он ее хорошо. Тут мало базовых знаний о женском характере и менталитете – Алла единственная и неповторимая. Она не приемлет пустых разговоров – если только один из собеседников Саша (ему она прощала и спускала все). Плюс множество вариантов. Она любила Сашу. И продолжает его любить (путь будет так, решил Карпов). Она надеется на чудо, потому что больше надеяться не на что.

Карпов пошел со старшей карты:

– У меня есть работа для Саши.

Глаза ее сузились, и она посмотрела на Карпова через эту убийственную щелку:

– Так, еще раз – для глухих, – попросила она.

– У меня для него есть работа.

– Замочить кого-нибудь в филиппинской тюрьме?

– Это было бы просто и скучно. Нет, эта идея мне в голову не приходила. Странно...

– Странно, что я слушаю тебя.

– Сядь. Успокойся. Не дергайся. – Он выговорил эти слова в три приема, отдельно и с нажимом. И сам сел. Наконец-то. До этого момента он маячил перед Аллой и в опасной близости от бассейна. Он в любой момент мог разделить судьбу вчерашнего окурка.

Она повернулась к нему, и Карпов впервые так близко увидел побледневшее лицо Аллы.

– У тебя есть план, сукин ты сын? – засыпала она его вопросами. – Когда и при каких обстоятельствах он созрел? Вчера в бутике? А может, раньше? Ты следил за мной?

– Не дури, – он отгородился от нее рукой. – У меня есть кое-какие наметки. *«Частицы вещества из Козерога, Рака и Льва неожиданно стали слетаться навстречу друг другу с поразительной точностью и слились в пульсирующее галактическое тело...»*

Именно в этот миг должна была измениться судьба арестанта филиппинской тюрьмы строгого режима под номером 3417, не без резона прикинул Карпов. Случайная встреча с Аллой (по гороскопу она была Козерогом или Водолеем, надо уточнить), работа для Саши (он был Львом), Рональд Кейн в Таллине (неужели этот чернокожий танцор – Рак по гороскопу?).

– У меня есть кое-какие наметки, – повторился Карпов. – Вместе мы сможем составить план и выгнать Сашу из тюрьмы. Кстати, ты кто по гороскопу?

– Козерог. А тебе нужно, чтобы я стала Раком?

Карпов промолчал.

– Перебираешь в голове варианты, подонок? – прошипела ему в лицо Алла. – Не тешь себя – я не лягу под тебя.

– Да, это вариант номер два.

– Ну и сука же ты!

Она подхватила свою сумочку и быстрым шагом направилась к воротам. Карпов догнал ее и отпер вмонтированную в одну из створок дверь.

– Ты знаешь мой номер – позвони. Или приезжай без предварительного звонка.

Алла, надо отдать ей должное, не стала упражняться в сквернословии. Не отвечая Карпову на его прощальные слова, она отошла к соседнему дому и вызвала по телефону такси. Карпов видел, как она поднесла трубку к уху...

Он заглянул в недалекое будущее, искаженными картинками отразившееся в дорожном фонаре, и отражение почти не отличалось от оригинала: Алла набирает номер и ждет машину. Так и случилось: назавтра Корбут, предупредив его – «я скоро приеду», слушала Карпова. После коротких и необязательных слов о нынешнем местонахождении Котика он задал вопрос и сам же ответил на него:

– Что представляет собой сейчас филиппинская тюрьма? Тюрьма образца 2004 года и нынешнего – два разных заведения. Хотя и по сей день там содержатся самые опасные преступники. Шесть лет тому назад в тюрьме возникли беспорядки, переросшие в бунт. Кто был организатором – неважно. Примечательно другое: директор тюрьмы был уволен по распоряжению губернаторши острова. Другим указом она заполнила пробел – поставила на освобожденное место своего брата, Уго Рамона, с детства отличавшегося оригинальным складом ума. Рамон поставил уникальный эксперимент для коррекционных учреждений: исправление танцами. После пары зрелищных постановок в тюрьму стали пускать зрителей, а внутри стен градус насилия опустился настолько, что охранники стали пренебрегать оружием. Директор тюрьмы, ставший еще и советником губернатора по вопросам безопасности, теперь высту-

пает с коронной речью на каждом концерте. И ключевая деталь – наряду с заключенными в представлениях, поставленных профессиональным хореографом, участвуют и приглашенные филиппинские звезды. Саше нужно будет занять место одного из них и покинуть охраняемую территорию.

– Легко сказать. – Алла припомнила «Бутырский феномен»: заключенный вышел на свободу, предъявив на посту удостоверение следователя.

– Сказать легко, – согласился с Аллой Сергей. – Чутьочку труднее увидеть в мелочах суть.

Этим качеством и отличался Карпов. Он обладал уникальной способностью в считанные мгновения сделать наброски картины – будущей операции. В его практике было несколько эпизодов, когда он находил решение, над которым тщетно бились другие, и он перехватывал контракт. Он был прирожденным планировщиком.

То, что он называл сутью, в античной философии называлось эфиром, стихией, пятым основным элементом небесных тел, противопоставившимся четырем земным элементам – воде, земле, огню и воздуху.

– Чувства у заключенных обостряются. Нет ни одного заключенного, который не думал бы о свободе. Нет ни одного особо опасного преступника, осужденного на длительный срок, который не думал бы о побеге. Может быть, и Саша увидел то, что увидел я: он на месте одного из профессиональных артистов. Допустим, он покинет стены тюрьмы *в образе*, – подчеркнул Карпов. – Но с острова он не убежит. Пусть случится невероятное – он убежит с острова... но только на соседний остров. Филиппины – островное государство. Беглеца схватят, и схватят очень быстро. И бросят в такую тюрьму, в которой танцами и не пахнет, в дыру похуже Алькатраса. Там он и сгниет.

Карпов говорил об одной из самых грозных тюрем, острове в заливе Сан-Франциско. Вначале он использовался как форт, потом как военная тюрьма, а дальше как сверхзащищенная тюрьма для особо опасных преступников и тех, кто совершал побег из других тюрем. Сейчас тюрьма расформирована, а остров превращен в музей. Кто знает, может быть, после побега русского заключенного и тюрьму на острове Себу превратят... в музей танцев.

– А ты кто, губернатор острова?

В этот раз Карпов ответил на иронию Аллы:

– Я даже не ее любовник.

– Тогда как же ты собираешься вытащить Сашу с острова? Это с условием, что он сбежит из тюрьмы.

– Мне помогут мои связи. Есть дела, которые силовым или насильственным путем не решить. Я его последняя надежда. Но если ты усомнилась в моих возможностях, если Саше уже не место в твоём сердце – забудь о нашем разговоре. Просто покачай головой, а я вызову тебе такси.

Алла подалась вперед и задышала в лицо Карпову:

– Не слишком ли малую цену ты просишь за его освобождение? Перепихнуться с бабой...

– Я мог бы перепихнуться, – спокойно заметил Карпов. – Мог бы изнасиловать тебя.

Я надеюсь на взаимность.

– Ты что, действительно так сильно любишь меня?

– Любовь не грех.

– Не умничай, Карпов, – женщина покачала головой. – Лучше ответь: Саша действительно нужен тебе для работы?

Карпов посмотрел на руки Аллы. Не контролируя себя, она сжимала кулаки так, что костяшки пальцев побелели. «Как будто комкает в экстазе простыню...»

– У меня есть человек, который справится с этой работой. Но я хочу совместить приятное с полезным.

– Знаешь, цинизм тебе больше к лицу. А вся эта мешанина, которую ты вешаешь на себя... – Она не сразу подобрала сравнение: – Как разбитое в лепешку лицо. Я не знаю, какой ты на самом деле.

– Я такой же, как ты: похотливый, наглый, бесстыдный, плюющий на общественную мораль и нравственность.

Алла забрала со столика сигареты, зажигалку, встала и направилась к выходу.

Карпов окликнул ее, заставив остановиться. Подойдя к ней вплотную, вобрав в себя чувственные ноты ее духов, он сжал ее руку. Глядя на ее приоткрытые, чуть подрагивающие от возбуждения губы, он приблизил свои к ее уху и раздельно произнес:

– Ты взяла мою зажигалку.

Она оттолкнула его от себя и через минуту уже была на улице.

Назавтра беседа возобновилась. В этот раз Алла приехала без предупреждения и позволила Карпову, отпустив такси: «Я здесь. Открой дверь».

– Каким образом ты собираешься передать план побега Саше? Только не говори: я найду возможность.

Карпов покачал головой, как бы говоря: «Не собираюсь этого делать».

– Выпьешь?

– Может быть, позже. Мне нужны конкретные детали, чтобы я поверила тебе.

– Боишься, что я кину тебя?

Этот простой вопрос поставил Аллу в тупик. Понятно, что Карпов – мерзавец. Но не до такой же степени. Он мог добиться взаимности еще вчера, когда задержал Аллу на пороге дома, взял ее за руку, обдал жарким дыханием. Она была готова отдаться человеку, который открыто соблазнял ее, делая это по-своему. Он не лапал ее, не строил глазки, не пыхтел, как похотливый жеребец. Он называл вещи своими именами. Он ставил условия, выгодные прежде всего ей, и глубину его цинизма нельзя было измерить. Короче, говоря о соблазне, «бездна бездну призывает».

Цена. Речь шла всего лишь о цене. Карпов покупал Аллу. Она в свою очередь думала о том, что и ей придется потратиться. Затраты, усилия, душевное и физическое унижение (пусть оно даже разовое) стоило свободы любимого человека. Ведь еще несколько дней тому назад она не тешила себя надеждой даже на короткое свидание с Сашей, не говоря уже о его освобождении. (Мысли о побеге будоражили ее голову, но разбивались о берега далекой, чужой страны – с ее натуральными повадками; в конкретном случае – чтобы другим неповадно было; вот Саша, гражданин России, стал пугалом для других соотечественников.) Чего там говорить – ей даже мысль о туристической поездке в голову не приходила; окажись она на Филиппинах, получила бы возможность увидеть Сашу издали и, может быть, даже перехватить его взгляд... Почему? Что, она недостаточно скучала по нему? И если идти как бы от обратного, то *достаточно* скучал по нему Сергей Карпов? Или он тосковал по ней, по ее телу, что не суть, как любил выражаться он, важно. Значило ли это, что она поставила крест на судьбе Саши? Нет, нет, нет. Она не смирилась – вот сейчас, когда Карпов приподнял ее и под нее потекла вода, она точно могла сказать. Даже найти оправдание: короткое свидание разбило бы Сашино сердце. Она словно ждала подходящего случая; и вот, когда все ароматы мира смешались и вырвались через распахнутые двери богатой парфюмерной лавки, на краешек ее присели два человека – он и она.

Это судьба. От судьбы не убежишь. Это надежда – как ожидание чуда и уверенность, что оно свершится.

Нужно ли дальше рассуждать на эту тему?

Она представила себе алтарь в виде камня, на который она бросает верность любимому и временно забытому человеку. Пусть он, временно забытый или временно недоступный, узнает про ее измену, но узнает уже будучи доступным – свободным. Пусть он оттолкнет ее, пусть.

А если спуститься с поднебесья и порассуждать земным языком? Она же не святая. И не железная. Все так, но портила земную картину одна вещь: она продавала себя. И естественные влечения тут ни при чем. Она горела другим желанием – дать свободу Саше. И уже слышала его голос: «Ты не продала, ты перепродала себя». Шлюха.

Но она *хоть что-то* сделала. Беда Саши заключалась в том, что он для своего освобождения не мог сделать ничего. А продвинутые танцы в тюрьме просились называться пляской смерти, в основе которой основы мимолетности земных благ и несчастий, равенство всех и каждого перед лицом смерти, ничтожество человеческой жизни вообще... Одного директора тюрьмы сменит другой, и тот станет тешить свое самолюбие и потешать публику рытьем канав – не суть, как сказал бы Карпов, важно.

Он спокоен. Он уверен в себе. Он ждет. Он умеет добиваться цели. Он очень сильный человек.

Еще немного, и она заговорила бы о надежности Карпова. А с другой стороны, почему бы и нет? Пусть и косвенно, но надежность его проявлялась в верности союзу «Три «К»».

Снова вместе?

И какая работа ждет их впереди? Перспектива развалилась перед ней сраженной наповал восьмеркой, этим символом бесконечности. Вид на будущее? Да, именно так: вид на будущее.

– Так ты не ответишь на мой вопрос?

– Как и на многие другие.

– Что ты имеешь в виду?

Может быть, подумала она, речь идет о тайной стороне Карпова? Понятно, даже доказано, что он работает на военную разведку. Но чем разведке помешал банкир – симпатичный мужчина, примерный семьянин? Чем ей не угодил политик – тоже любящий муж и заботливый отец? Но главное, почему эти вопросы пролетали мимо и только сейчас стали попадать в цель? Потому что раньше такое положение вещей устраивало, а на попытки прояснить ситуацию Карпов отмахивался: «Кто много знает, тот меньше живет»?

По спине Аллы пробежал холодок: с кем же действительно она имеет дело? *Откуда у Карпова связи на Филиппинах?* А если связей нет, что потребуют от него те, которые помогут вытащить Сашу из застенков?

Пауза затянулась. Карпов ответил на вопрос Аллы, каким образом он собирается передать план побега Саше: он вручил ей несколько распечатанных на принтере листов.

– Мне нужно это прочесть?

– Да. Это статьи об одном уникальном человеке. – Карпов оставил Аллу одну, чтобы не мешать ей.

Статья эстонского журналиста Игоря Янсена. Алла вынула из сумочки очки в стильной оправе и углубилась в чтение.

«Рональд Кейн в Таллине... На очереди Рига, Киев, Москва... И вообще он впервые в Восточной Европе. Став известным благодаря постановкам в филиппинской тюрьме, Рональд Кейн готовит флешмоб в столице Эстонии».

Дальше Янсен давал короткую биографию Кейна.

«Рональд родился в городке Лейквуд, штат Огайо, окончил джазово-хореографическую академию (специализированная школа), работал на подтанцовке у таких музыкантов, как Ленни Кравитц, Чака Хан (певица и автор тестов), Теренс Трент Д'Арби. По словам самого Рональда

Кейна, был лично знаком с Майклом Джексонем. Надолго – до 2003 года – задержался в Таиланде: подрабатывал в ночных клубах Бангкока, Паттайи, Пхукета. Переломным моментом в его карьере стало знакомство с директором тюрьмы на острове Себу. Кейну представилась уникальная возможность безгранично экспериментировать, безжалостно используя живой материал; позже он назвал заключенных на Себу «солдатами, марширующими без усталости». От рассвета до заката, а когда и от заката до рассвета длились изнурительные репетиции-марши. «Однажды, – признался Кейн, – я вдруг понял, что приказываю этим людям и что сам вознесся до военачальника. Мне удалось спуститься на землю, и эти люди снова стали мне братьями по духу. Однако между нами по-прежнему стояла острая металлическая сетка». Также Рональд Кейн является автором ряда интересных работ. Так, он поставил флешмоб на американской военной базе, соседствующей с тюрьмой на острове Себу. И это был не единственный творческий контакт Кейна с американскими военными: площадка на авианосце «Китти Хок» (выведенном из состава флота, но не списанном) стала отличным и также уникальным местом для воплощения в жизнь сценария, написанного Кейном. Флешмоб, в котором принимали участие только военные моряки, не считая труппы Кейна, в Сети просмотрели миллионы пользователей. Таким образом, Джиттербаг стал пионером, «укротив стихию» – именно такая концепция лежала в основе его сценариев и основных принципов флешмоба в целом: спонтанность, отсутствие централизованного руководства, деперсонафикация. Он сумел оседлать этого трехглавого дракона. Рональд Кейн никогда не гастролировал по миру самостоятельно. Гастролировали его работы. Постановщик танцев и «укротитель стихий» на площадях столиц европейских и азиатских государств, в залах и даже на ледовых аренах, несмотря на возросшую популярность, Кейн оставался (читай: подавал себя) скромным и воздержанным человеком. Хотя он и был открыт для прессы, журналисты чаще всего обходили его стороной: он не мог по-настоящему блистать или скандалить. Кое-кто до сей поры считает Кейна заключенным тюрьмы на острове Себу. Он неотделим от стены мобберов, он – одна тысячная этого упорядоченного им же строя».

Другая статья под названием «Серый кардинал яркой паствы», автор – Ева Тамм.

«...Он в черном. И только логотип, похожий на спрута, белым пятном выделяется на его майке. Он впереди. Но его позицию съедает основная масса мобберов в броской одежде. Кажется, они наступают на него и вот-вот подомнут под себя. Его одежда делает его незаметным в толпе, но подчеркивает его идеальную фигуру. Его темное лицо похоже на маску. Он лицевой театр теней. И это ответ на вопрос: «Кто вы, мистер Кейн?»... Нет, он не мистификатор и не загадочная фигура. Он сильная личность, а сильные люди сегодня неинтересны. Сегодня на пике популярности грязь: разврат, скандалы, ложь, лицемерие, продажность, предательство».

Собственно, две эти статьи пересекались, и в точке пересечения получилась ссылка на мораль: безучастное отношение современного общества к интересному. Сейчас узколюбые правят праздник.

- Я планирую переговоры с Кейном. Работа серьезная, и нам нужно подготовиться к ней.
- Нам?

– Да. Ты тоже едешь в Таллин, – тоном, не требующим возражений, завершил беседу Карпов.

Назавтра Алла снова пришла без предупреждения – в семь ровно и, так получилось, день в день их знакомства, состоявшегося четыре года назад. Карпов открыл дверь и впустил во двор дома аромат с полей Грасса, как будто дверь была телепортом между Лазурным Берегом и Серебряным прудом. Вслед за Аллой во двор просочилась цибетовая кошка...

Он проводил ее к накрытому под зеленоватым тентом столу, пододвинул плетеный стул, когда гостя садилась, налил ей вина. Поднял свой бокал – не играя в иностранца, а находясь в привычном для себя образе культурного, образованного человека, свободно общающегося на двух иностранных языках.

Карпов увидел неподдельный блеск в ее глазах; ее желание прийти сюда и остаться с ним было настоящим. И голос ее не фальшивил, когда она, выпив вина, попросила налить еще.

Перед ним находился упакованный в лучший вечерний наряд свежий продукт лично его приготовления. И если учесть, что он вложил в этот проект часть своей души и приправил непритворными чувствами, то речь шла как минимум о совершенстве. Преисполненный гордости, любви, он протянул Алле руку и помог подняться со стула. Неожиданно легко он подхватил ее на руки и сделал первый шаг к дому.

– Ты сволочь, – шепнула ему на ухо Алла.

– Я знаю...

Глава 2

Мужчины думают только об этом

Таллин, Эстония

Хореограф Рональд Кейн поначалу отказался понимать, чего добивается от него этот человек, представившийся Сержем Карповым. Высокий, с высоким же интеллектуальным лбом, тот, на взгляд постановщика танцев, нес чушь.

Рональд Кейн поехал по миру, в Восточной Европе же оказался впервые. Его покорила Старый город с его тесными улочками, словно игрушечными домиками, старинными соборами. Он цокал языком на Ратушной площади; а в мощеном переулке Катарини, окутанном духом старины, по его мнению, в младенческие годы мог бы жить сам Иисус. Этот город, казалось ему, стоит здесь от сотворения мира... Он почерпнул столько положительных эмоций, что их хватило бы до возвращения на Филиппины.

Встреча с Сергеем Карповым состоялась в гостинице, расположенной в тихой части Старого города, недалеко от его центра. А мастер-класс Кейн давал на универсальной арене «Саку», зал которой вмещал до десяти тысяч человек.

Кейн ответил на несколько вопросов Карпова и собирался свернуть этот бестолковый разговор. Да, он знает Сашу Котика, но больше знает его по имени Парень из Руссиона, и близко они не знакомы, конечно: кто Кейн, а кто Саша. Кейн – затребованный постановщик флешмобов, Саша – закоренелый преступник. Кейн не спорил – Саша был одним из лучших среди полутора тысяч заключенных в тюрьме на юге острова. Ему нравилась пластика русского, впечатлила его растяжка (тот свободно садился на шпагат). Он был в меру резок – отличный вариант для исполнителя танцев под музыку Майкла Джексона. Уже со второй репетиции Кейн, особо не приглядываясь к новичку в этой тюрьме, определил ему место по левую руку от себя (черный и белый, почувствуйте контраст; позади фон из желтолицых филиппинцев-мобберов). Сам же Кейн всегда являлся центральной фигурой в тех номерах, в которых, разумеется, принимал личное участие.

– Значит, вы хотите, чтобы я «немножко задержался в тюрьме»? – Кейн сблизил два пальца и через эту щелочку посмотрел на невозмутимого Карпова. – Заодно директор тюрьмы заполучит бесплатного хореографа.

Он продолжил через минуту:

– Вы хорошо знаете Сашу? Я имею в виду Парня из Руссиона. Или мы говорим о разных людях?

– Я его знаю давно, – ответил Карпов на оба вопроса.

– Я спрошу по-другому: вы хоть раз его видели? Он белый, а я цветной.

«Он говорит как о двух сортах капусты», – невинно улыбнулся Карпов.

Рональд Кейн продолжал как ни в чем не бывало:

– Только не говорите мне, что охранники тюрьмы заражены цветовой слепотой и не отличают черного от белого. Я негр, если вы плохо меня разглядели.

– В тюрьме много негров?

– Это смотря в какой.

Карпов слегка подался вперед.

– Вас встречают по одежке и провожают по одежке. Вы приходите на репетицию в пестрой рубашке, в черных очках, в бейсболке, с серьгами в ушах. Вы похожи на человека-невидимку. Если вместо вас в зал, заполненный филиппинцами, войдет другой чернокожий, одетый как попугай, ему будут аплодировать, как вам.

Кейн обиделся и раздул ноздри. Он был негром, по его же определению, в пятом поколении. В роду Кейнов «всегда было место смешанным парам»: муж белый, жена черная, и наоборот. У Рональда отсутствовали «ярко выраженные» негроидные черты. Надбровные дуги не выпирали, нос не был широким и плоским, а губы – излишне толстыми. Но он был и оставался чернокожим, как верно сам и заметил.

– Тюрьма, в которой вы подрабатываете хореографом и в которой вы сделали себе имя, стала доступной для туристов. Не перебивайте меня, – попросил Карпов, наблюдая за фиолетовыми губами Кейна, пришедшими в движение. – Желающих насладиться экзотикой встречает надпись: «Вход с оружием запрещен». Директор тюрьмы толкает вычурную речь перед каждым выступлением своих подопечных. Режим в тюрьме остался прежним – это на бумаге. На деле же – администрация и охрана потеряли бдительность. Образно говоря, дверь металлическая, косяк деревянный.

Дальше Карпов импровизировал. Точно зная, в каком месте находится цель, он не мог промахнуться и с завязанными глазами.

– Вас лично и вашу труппу из пяти-шести человек охранники досматривают на входе в тюрьму: не пронесите ли вы оружие, наркотики и так далее. На выходе – нет. Что можно вынести из тюрьмы – какую-нибудь поделку филиппинских умельцев? Чаще всего вы удивляетесь лишь мимолетного взгляда. Вы назвали Сашу своим лучшим учеником. Я просмотрел десяток выступлений и заметил вот что: вы и Саша двигаетесь одинаково. Кажется, что Саша – ваша тень. Он копирует вас. И не только в танце. Мне посчастливилось найти в Сети ролик, снятый кем-то из гостей. Он отличается от официального, снятого оператором тюрьмы, только качеством изображения и длительностью. Когда профессиональный оператор сказал себе «стоп» и остановил запись, любитель продолжил снимать. По сути, строй мобберов распался, как по команде «разойдись». Вы и Саша пошли в сторону главного корпуса – как два близнеца. Как если бы пленку разделили надвое: негатив и позитив. Походка, движения рук, поворот головы, осанка – совпадения идеальные. Вряд ли он передразнивал вас...

– Я думаю, он просто не выключился из танца, и его движения были инстинктивными.

– Вот! – воскликнул Карпов и поднял указательный палец. – Что и требовалось доказать. Саша остался в образе. В вашем образе, мистер Кейн. Вы – его живой пример, носитель определенных черт и качеств. Отчасти и остальные заключенные тоже берут с вас пример. Вы можете помочь Саше. Если вы отвернетесь от него, он сгниет в тюрьме. Он слетит с катушек. Сейчас танцы для него – отдушина, развлечение, экзотика. Но через год они превратятся для него в каторжную работу, а плац, на котором проходят бесконечные репетиции и представления, – в каменоломню.

– Хотите выдавить из меня слезу?

– Встретимся завтра.

Рональд Кейн в эту ночь долго не мог заснуть. Эстонский воздух для него стал тяжелее, чем филиппинский: *он был пропитан стонами заключенных*. Кейн стоит лицом к строю, поднимает руки и резко опускает их, давая команду к началу представления. Тотчас поворачивается к строю спиной. И в этот миг в строю происходит метаморфоза: порядок его не меняется, но у каждого заключенного в руках появляется кайло, роба сыреет от пота; плац покрывается безобразными ямами и грудями камней, над площадью нависает стена пыли. Кейн снова экспериментирует: сначала встает лицом к мобберам, выстроенным согласно концепции танца, и его представление о них меняется: они сосредоточены, вдохновлены – как шеренга солдат, внимающая своему командиру; он поворачивается к ним спиной и спиной же чувствует изменение в строю, как будто сотни личинок разом превратились в куколку...

Тяжелое дыхание непосильного труда – вот что он чувствует занывшим внезапно затылком.

Чертов русский! Трюкач! Подбросил в карман целую пригоршню семян, и они дали первые ростки сомнений... Он что, опытный психолог? Или он аналитик, учитывающий все обстоятельства и даже обстановку? Но в чем разница между аналитиком и психологом? В конкретном случае – никакой.

Карпов учел все обстоятельства – значит, давил на жалость, зная ее точный адрес – заходистое «учительского» сердца. Верил ли он в успех своего сомнительного, надо сказать, начинания? Фифти-фифти. Контрольного пакета у него не было. Разделил ли ответственность за судьбу одного человека поровну? Глубокие переживания в груди Рональда Кейна дали положительный ответ.

Он снова поворачивается спиной к ярко-оранжевой шеренге, опирающейся на кирки и припорошенной каменной пылью... Каждый из этих несчастных жаждет свободы. Но среди них есть человек, для которого свобода важнее. Он стоит особняком, и он главнее. Почему? Потому что за него попросили. Попросил тот человек, который придет завтра.

Время лечит, подумал Кейн. К утру эта натуральная зубная боль поутихнет.

Ему полегчало к вечеру; не только время, но и *непосильный, каторжный* труд на арене таллинского концертного зала выгнали из его груди жалость к заключенным в отдельно взятой тюрьме. Смертельно уставший, он был готов к безжалостному разговору с русским.

В фойе гостиницы к нему подошла женщина с броской внешностью. Ей был к лицу костюм в мелкую клетку, а черная ленточка в волосах была пикантной деталью.

– Рональд? – назвала она его по имени.

– Yes. – Кейн подумал, что эта женщина – одна из его фанаток и попросит у него автограф или попросит сняться вместе с ним. Что же, он ей не откажет. Но где же русский? Кейн хлопнул по карману широкого темно-серого блейзера в поисках фломастера, которым он расписывался на бейсболках поклонников.

– Я плохо говорю по-английски, – завершила Корбут заученную фразу. Она продолжила в том же автоматическом ключе: – Я жена Саша Котика. – И ее выразительные, как у «смешной девчонки», глаза наполнились слезами.

«Вот дерьмо!» – мысленно выругался Кейн – больше сетуя на ситуацию, нежели на эту красивую женщину. Он взял ее под локоть и подвел к столику. Подоспевшему служащему гостиницы показал два пальца, имея в виду два пошла – все равно чего: кофе, мартини, виски или пива.

Если бы сейчас к нему подошла другая женщина – красивее или уродливее, не важно, – он бы не поверил ей. Или ответил с издевкой: «Вы жена Парня из Руссиона? Поздравляю!» Эта женщина имела свое лицо, и было оно индивидуальной сборки, ее образ идеально подходил Саше, и вместе они составляли идеальную пару. Он поверил ей. Через минуту получил доказательства: Алла вынула из сумочки фотографии в фирменном пакетике «Кодак». С первой фотографии на Кейна смотрели две пары глаз, и он заострил внимание на более знакомых ему глазах... Он увидел эту пару, которую минуту назад нарисовало его воображение; плод его фантазии и изображение на снимке совпадали... идеально. Вот уже в третий раз он употребил это яркое слово.

Он взял вторую фотографию, положив первую под низ стопки. Рассмотрел третью, четвертую. Он не спешил добраться до конца этой красочной колоды из-за опаски: о чем пойдет разговор, если Алла не понимала его языка? Вот Карпов – другое дело. По-английски говорил хоть и с акцентом, но фразы строил как *настоящий американец*.

Девятая, десятая фотография. На каждой – соответствующая идеалу пара, по сути – идеальная любовь. Они разные, но в них не найти десяти отличий. Как еще это можно объяснить?

Последняя фотография. Рука, держащая снимок, дрогнула. Кейн медленно перевел взгляд на женщину. Она опустила глаза, как бы отвечая ему: да. На последнем снимке был изображен только один человек. Снимок был сделан недавно, может быть, вчера или сегодня

утром – об этом Кейн мог судить по одежде Аллы: в мелкую клетку офисный костюм лежал на одной половине кровати, на другой – обнаженная, неумело, как показалось Кейну, позировала Алла.

Он ожидал чего угодно, только не такого откровенного финала. Эта женщина, сама того не понимая, нанесла удар по его самолюбию. Ему приходилось оплачивать услуги проституток, но он никогда не получал за услуги натурой.

Он сложил фотографии в пакет и вернул их Алле с категорическим отказом: «Нет». Он как будто превратился в глыбу, даже лицо его приобрело сероватый оттенок.

– Excuse me, – быстро бросила Алла. И так же торопливо поднялась со стула, едва не сбив официанта, принесшего заказ. Пряча фотографии в сумочку так поспешно, будто на каждой из них она была изображена в откровенных позах, Алла стремительно пересекла холл. Если бы она уходила медленно, волоча за собой хвост тяжело раненной надежды, он бы не двинулся с места. Но женщина убегала, пряча в черный пакетик жар сильного смущения. Кейн оставил свое место, заставив официанта шархануться в сторону во второй раз, и догнал Аллу уже за дверью гостиницы. Он неумело подбирал слова под новые чувства, как будто подзабыл родной язык. «Ты любишь его». Да, он выговорил эту сопливую чушь. И она прозвучала насмешкой на фоне его недавних излияний с двумя местными фанатками. Они любили друг друга по очереди и гуртом: в спальне, в душе, с небольшими перерывами, как будто назавтра объявили мобилизацию всех женщин на свете... Кейн включил в работу жесты. «Пусть этот человек, ваш друг, ну, этот чокнутый (он покрутил у виска пальцем) – придет ко мне» (он прошелся по руке двумя пальцами). Растерянность, повторный блеск глаз Аллы послужили ему стимулом к самой большой глупости в его жизни. Он как будто поднял перчатку, брошенную ему к ногам с самых небес, и она один в один походила на «звездную» перчатку его кумира – Майкла Джексона. Он был человеком слова, и никакие обстоятельства не могли повлиять на его решение. Согласие на встречу с Карповым налагало на него обязательство выполнить свою часть плана побега.

План побега.

Рональд попробовал это сладкое слово на вкус и запил его терпким вином – вернувшись за столик в холле. Ему представился уникальный случай – рискуя собственной свободой, вернуть свободу другому человеку. Азарт вскружил ему голову, и он не торопился отойти от алтаря, на который жена Парня из Руссиона положила свою верность, свой именной вклад. И она не ошиблась.

Карпов наблюдал за этой сценой из глубины зала. В темных очках и темно-сером костюме, с иллюстрированным журналом в руке, он потягивал фруктовый коктейль... Алла показала себя исполнительницей актрисой и не отошла от сценария ни на шаг. Сцена казалась отрепетированной двумя актерами, тогда как на самом деле играла только Алла. «Когда он вернет тебе фотографии...» – «А он вернет?» – «Обязательно! Так вот, уходи сразу. Прячь глаза и уходи. Только в этом случае у нас появится шанс». – «А если Кейн не клюнет?» – «Закинем удочку с другой наживкой. Если понадобится – перед объективом разденусь я».

Глава 3

Свидание с удачей

Себу, Филиппины

...Еще одна ночь – сырая, удушливая, как веревка на шее приговоренного к виселице. «...вас отведут на место казни, где вы и будете повешены за шею, пока не умрете».

«Вас отведут в тюремную камеру, в которой вы проведете остаток вашей жизни, пока смерть не заберет вас».

Пока смерть не разлучит вас с жизнью.

Саша стоял на краю очередного приступа депрессии. Он побалансировал на нем минуту или две, проглотит пару тугих комков, забивших ему горло, и снова приобретет форму стойкого оловянного солдатика.

Сокамерник Саша – чернокожий американец по имени Джошуа – тоже не спал в эту ночь. Но он не ворочался и не елозил по койке, как многие, страдающие бессонницей. Заложив руки за голову, он лежал на спине и натурально контролировал свое дыхание. Однажды он поделился с Сашей глубокой мыслью: «Если я начинаю сопеть, значит, я засыпаю и отдаю управление контролем дыхания автопилоту под названием мозг! А тому, видно, по фигу, храплю я или нет». Джошуа был идеальным соседом по камере. Саша не любил слово «сокамерник» и нередко называл Джошуа roommate – сосед по комнате.

Незаметно для себя Котик уснул. Но проспал недолго. Во сне он снова пережил фрагмент из недалекого прошлого... «Мне наплевать, кто ты такой. Может, в своей стране ты авторитет и тебе отдают честь, но здесь ты говно. Здесь ты заключенный под номером 3417».

Каждого заключенного в филиппинской тюрьме встречал и зачитывал его права лично директор – с испанскими корнями, лысоватый и желчный, ревностный католик и редчайший сквернослов.

Здесь заключенные были обязаны знать историю Филиппин, как если бы это островное государство называлось Соединенными Штатами Америки, а узники ожидали выдачи грин-карты.

Саша чувствовал себя болваном, слушая учителя истории – лет сорока пяти, в очках аля Джон Леннон, осужденного за двойное убийство; вещал этот протестант на одном из двух официальных языков – английском. На кой хрен, думал Котик, эти знания приговоренному к пожизненному заключению? Может быть, и приговоренным к смертной казни через смертельную инъекцию выдают такой же багаж знаний? На его вопрос осужденный историк ответил утвердительно: «Да. Перед тем как предстать перед Всевышним, они обязаны сдать экзамен по истории Филиппин». Это обалдеть можно.

Котик с превеликим трудом втягивался в учебный процесс, отнимающий у него львиную долю свободного от работы времени. «Протяженность Филиппинского архипелага составляет две тысячи километров, длина береговой линии...» Интересно, какова протяженность береговой линии России?.. Эти знания загнулись на задворках его памяти. «Острова омываются Южно-Китайским, Филиппинским морями...» Балтийское, Черное, Азовское моря, Тихий и Северный Ледовитый океан... «Рельеф островов главным образом составляют горы...» Уральские горы, хребты Большого Кавказа с его венцом – Эльбрусом, Алтай, Саяны... Такие родные. А здесь горы – в крупную клетку...

«Климат тропический, муссонный, сезон дождей длится с мая по ноябрь...» Как по расписанию. У нас дожди могут зарядить в любое время года...

«Филиппины – президентская республика...»

Россия – тоже...

«Президент избирается народом сроком на шесть лет...»

Нашли чем удивить...

«Коммунистическая партия Филиппин имеет вооруженную организацию...»

Переплюнули...

«Четырнадцатый век – высадка арабов...»

Арабский десант...

А вот – испанский:

«Экспедиция Фернана Магеллана... Острова стали называться Филиппинами в честь испанского принца и короля Филиппа Второго...»

Американский:

«1898 год – начало Американского периода...»

В России самый расцвет американского периода... Да и здесь, на острове Себу, он не закончился: с крыши этого двухэтажного комплекса можно невооруженным глазом рассмотреть другой охраняемый объект – американскую военную базу.

Стоит ли ждать экстрадиции в Россию? Саше Котику там не рады. Пожизненный срок в филиппинской тюрьме для него – оптимальный вариант. Пусть мутит воду в одноименном острову проливе, в отдельно взятой тюрьме. Пусть попытается бежать из мест заключения. За попытку бегства здесь сразу вскрыют смертельную ампулу...

Образование, наука, искусство...

Туризм. Пляжный – нет: десять месяцев в году пляжи мокрые. Экстремальный и спортивный, подогретые конфликтами между мусульманской и христианской общинами, – да. Адреналина хоть отбавляй. Можно привлечь побольше туристов, определив им номера в тюрьме строгого режима...

– Ты что-то перестал улыбаться, Парень.

Котик очнулся от мыслей и словно впервые услышал историка. Да, он зачастую слушал его с улыбкой, которую и не требовалось расшифровывать: на взгляд Саши, оба занимались фигней.

– Вот отсижу свое и посмеюсь.

Историк сложил на груди руки, прилег на стол, изображая мертвеца.

– Да, да, – покивал Саша. – Ты смешной малый.

Сегодня большая репетиция. Генеральный прогон флешмоба под хит Майкла Джексона...

«Привет, сосед!» Он и Джошуа обменялись однобоким приветствием. Русский первым занял умывальник. Джошуа, дожидаясь очереди, перекинул через плечо полотенце и силясь вслух вспомнить, что ему снилось. Это был обычный, ничем непримечательный утренний треп, к которому Саша привык, а порой и не замечал его. Почистив зубы и смыв с раковины следы упавшей пасты, он уступил место соседу.

Позавтракав рисом с рыбой, заключенные вышли на плац. Вслед за процедурой проверки, отчасти похожей на переключку в армейском подразделении, наступило время *исправительных работ*. Пожалуй, впервые за долгое время музыка Майкла Джексона резанула ухо заключенного под номером 3417. Ежедневные репетиции и частые выступления стали для него изнурительным трудом. Интерес к процессу, который поначалу захватил его и был сравним с ярким костром в ночи, погас, как будто на огонь безжалостно плеснули водой, а едкий дым от него начал выедать глаза. Даже хореограф Кейн, который отсутствовал три недели, сегодня показался Саше надломленным. Еще и потому, что Джиттербаг³ надолго задержал на нем взгляд. Русский едва удержался от грубости...

³ Jitterbug – в данном случае любитель быстрых танцев (англ.).

Кейну-то что, он всегда спиной к заключенным; делай, как я, – его главный метод обучения. Несомненный лидер с одной-единственной поправкой: вольный лидер среди заключенных. Залетная птица.

– Неважное настроение?

– Что?

Саше не хотелось отвечать на этот дурацкий вопрос. Он ответил бы на него в другом месте и в другое время. Но все же решил не омрачать приподнятого, видимо, настроения «учителя танцев».

– Год торчу здесь, а такого дерьмового настроения у меня еще не было.

Кейн подмигнул ему и, приоткрыв клапан черной рубашки, дал Саше посмотреть на снимок.

Волосы у Котика зашевелились у самых корней. На фотографии были изображены два человека, на одного из которых он даже не посмотрел, – все его внимание, все нервы были направлены на Аллу... В глазах его блеснули слезы – то ли перенапряг глаза, то ли свалилось на него состояние ожидания...

Он не стал спрашивать у Кейна, откуда у него эта фотография – сам расскажет, подобрав для этого удобный момент.

– Так ты говоришь, настроение у тебя – дерьмо? – переспросил Кейн на новый лад, пряча снимок обратно в карман, и заржал как жеребец.

Раздевалкой для приглашенных артистов и труппы Кейна (обычно не больше пяти человек) служило просторное помещение на первом этаже административного здания. Помещение граничило с прачечной, в которой грохотали стиральные и швейные машины, шипели гладильные прессы. Поскольку в представлениях все чаще участвовали приглашенные звезды, а бизнес директора тюрьмы процветал, в гардеробе был установлен кондиционер, возле каждого шкафа поставлена скамейка. В гардероб Кейн вошел через служебную дверь; Саша проник туда через прачечную, в которой в этот час работала смена заключенных из шестнадцати человек. Котик сдержал эмоции, однако короткое восклицание его было переполнено переживаниями и граничило с горячностью:

– Ну, рассказывай! – И через секунду: – Ты видел ее?

– Как тебя сейчас.

Саша прислонился спиной к ящику, ощутив его холод, закрыл глаза... Временами он надеялся увидеть Аллу среди гостей; и он в частых поворотах головы отыскивал среди посетителей, находящихся по ту сторону металлической сетки, образ любимой женщины. И с каждым днем надежды его таяли. Китаец Лю из соседней камеры (срок заключения пятнадцать лет) делился с товарищами радостью: «Моя жена приехала! Я видел ее среди гостей!» *Счастливчик Лю*. Его маленькая радость стала большим огорчением для других, которые так и не отыскивали своих близких среди гостей. И только пара-тройка китайцев да один тайванец поделили его радость. Но скоро она обгорелой кожей сползла с его лица, а сквозь нее просочилась грусть: поначалу робкая, потом мрачная, острая, и наконец – безысходная. С возвращением тебя, Лю, в клуб разбитых сердец!

– Она здесь? Она придет?

Нет, этого мало. Котик испугался своих фантастических мыслей, в которых он пересек множество границ и, оборванный, обмороженный суровыми ветрами, опаленный жгучим солнцем, упал, разбив колени о родную землю. Еще никогда она не притягивала его к себе так сильно.

Сверхчувствительность...

– Она не здесь. Она не придет, – горячо прошептал Кейн, подняв палец – внимание! Ему послышались чьи-то крадущиеся шаги. Но нет, в шуме прачечной и ровном гуле кондиционера он не мог расслышать осторожную поступь человека.

Саша на одном чутье понял, что происходит, и опередил Кейна на мгновение:

– Как вы собираетесь вытащить меня отсюда?

– Возьми-ка вот это. – Джиттербаг сунул в руку Котика сверток.

– Что в нем? – Саша спрятал его у себя на теле и скрыл рубашкой навывпуск.

В нем нет ничего металлического – это заключенный определил на ощупь и по весу, хотя мысли его рисовали стандартные атрибуты для побега: пилка по металлу, нож, может быть, пистолет, лестница из гибкого троса.

– Потренируйся с этими вещами как следует. Малейшая ошибка – и ты навсегда потеряешь шанс выбраться из тюрьмы. Тебя обвешают браслетами, ошейниками и бросят в тюрьму с заключенными, уже совершившими побег. А меня посадят на освободившееся место. Будь осторожен, брат. Как сказал твой друг: у нас одна заготовка, не запори ее. На подготовку у нас десять дней.

– Десять дней... Да я с ума сойду за это время!

– Я тоже, – с иным оттенком ответил Кейн. – А планировщик давно свихнулся.

– Карпов? Серж?

– Кто же еще? – Кейн отозвался о нем как о старом знакомом. – Ну и друзья у тебя, Саша... Да, кстати, он просил передать, что действует без поддержки. Что это означает, ты, наверное, знаешь. А теперь слушай меня внимательно. Вот что ты должен будешь сделать...

Котик нанес тональный крем на предплечье, чтобы проверить реакцию крема на кожу. Опустив рукав рубашки, он вернулся из туалета на рабочее место и включил паровой гладильный пресс. Расправив на платформе арестантскую робу, он привел пресс в действие. Вырвавшийся пар заставил его дернуть головой: ему в нос ударил едкий запах пота. Робу плохо постирали, и она сохранила запах немывтого тела заключенного. Он бросил взгляд на пронумерованную корзину с бельем, закрепленную за стиральной машиной. С первой по восьмую машины обсуживал Счастливчик Лю, а на этой корзине стоял номер семь.

Забрав робу с платформы, Саша направился в отделение стирки. И первый, кто попался ему на глаза, был китаец Лю. Первым желанием Саши было сунуть непростиранную робу ему в морду: «Ты забыл отстирать дерьмо с робы». Лю – он не из робкого десятка, завяжется драка, в которую будут втянуты сторонники русского и китайца – белые и желтые. Зачинщики отправятся в карцер. Обязательные в таких случаях обыски в камере и на рабочем месте приведут к плачевным результатам.

Лю был не без глаз и заметил гневный взгляд русского. И приготовился защищаться, машинально отыскивая глазами шведов: те обязательно станут на сторону русского. Он знал мощь ударов Саши. Особенно хорош был хай-кик: нога вылетала со скоростью выкидного ножа и защититься от него было непросто.

Котик на пару мгновений закрыл глаза, остывая. Протянув робу китайцу, он демонстративно потянул носом:

– Плохо постиралась. Воняет. Забери у меня всю партию с седьмой машины.

Развернулся и пошел прочь.

В адрес Лю посыпались шутливые версии: стиральный порошок ворует, тащится от запаха мочевины...

Саша отметил на настенных часах прачечной время: прошло полчаса, пора проверять результат. Выключив гладильный пресс, он вернулся в туалет. Запершись в кабинке, он закатал рукав и внимательно рассмотрел участок кожи на руке, покрытый тональным кремом. Он был коричневым и походил на лоскут кожи, пересаженный от негра. Для полноты этого ощущения

не хватало следов от хирургического шва. Котик более внимательно осмотрел этот участок. Воспалений и раздражений, а также болезненных ощущений он не заметил. Также Кейн угадал с оттенком стика. Под ним кожа Котика стала такой же темной, как у самого хореографа. Но пора возвращаться на рабочее место.

Там к нему подошел Лю и забрал корзину с непростиранным бельем. Молча. Не бросая вызова. Зародившийся было конфликт был погашен.

Котику еще раз пришлось навестись в туалет, чтобы проверить кожу на воспаление от стика. За те полчаса, что он провел за горячим прессом и воздействием психологического напряжения, он изрядно вспотел, и от него мог шарахнуть, зажимая нос, тот же Лю. Капельки влаги, проступившие через поры, выступили поверх крема, как бы естественным путем, а не подняли его, о чем беспокоился Саша. Значит, все в порядке.

Пробный шар запущен. Впереди восемь дней упражнений по нанесению стика уже на лицо – чтобы добиться совершенства и макияж не смотрелся маской. Как будто перед ним открылась дверь, и он ступил в переход количественных изменений в качественные. Главное – добиться качества.

А теперь самое время подумать над словами Рональда. Котик не верил в Карпова как в человека всемогущего (как в человека, работающего на всемогущую организацию, – да). Если Кейн точно передал его слова (Карпов действует без поддержки, то есть не опирается на сильную руку военной разведки), то Карпов надеется только на свои силы. Если брать за основу его связи в России и странах бывшего Союза, то связи в дальнем зарубежье ассоциировались с друзьями его друзей в какой-нибудь социальной сети. И если цепочка Карпова и доползет до Филиппин, то не будет отличаться крепостью и надежностью. То есть Карпов предлагал Котику выбор – остаться в тюрьме или ухватиться за ниточку – как ненадежный, нетрастовый шанс.

Вечер следующего дня. Джошуа отправился играть в баскетбол, Саша отказался составить ему компанию. Выждав пять минут, он подошел к умывальнику, глянул на свое отражение в зеркале и приступил к макияжу. Включив воду и намылив лицо, он тщательно вымыл его, чтобы обезжирить. Насухо вытерся полотенцем, выдавил на ладонь немного крема и нанес его на лоб, щеки подбородок, шею. Мягкими круговыми движениями начал втирать его в кожу. И облик его менялся буквально на глазах. Когда он закрыл глаза и, обработав стиком веки, снова открыл их, на него смотрел совсем другой человек. Не Рональд Кейн, конечно, даже не похожий на него человек, а пока что просто чернокожий... с розовыми губами. В ход пошла помада с фиолетовым оттенком. Вот так. Совсем другое дело. Теперь руки. Еще одна порция Black Oral, и руки приобрели нужный оттенок. Саша открыл коробочку с накладными ногтями желтоватого цвета. Они были длинными, и ему еще предстояло их обработать, придав им нужную форму. А пока он симитировал приклеивание ногтей. Последний штрих – полоска усов а-ля Эдди Мерфи. Но они не хотели держаться на губе, покрытой кремом. *Это нужно учесть.* Котик обезжирил верхнюю губу мыльным раствором, и только тогда полоска усов надежно закрепилась на коже. Можно даже подергать за короткие щетинки. Да, держатся крепко.

Саша еще раз придирчиво осмотрел себя в зеркале и обнаружил непрокрашенные участки у корней волос. Это не беда. Уже завтра он лишится своей шевелюры, и его голова будет выбритой, как у Джиттербага. А теперь нужно избавиться от макияжа. Саша открыл флакон с жидкостью для снятия тонального крема. Это молочко на воде, случайно попавшее ему на язык, оказалось отвратительным на вкус. Забегая вперед, Котик припомнил слова Кейна: *«Оставь часть грима в своей камере, чтобы снять с меня подозрения».* Да, подозрения в подготовке побега падут в первую очередь на хореографа. И Саше было необходимо максимально обезопасить его. По версии Кейна, заключенный под номером 3417, пользуясь расположением хореографа, частями похищал у него средства грима... на протяжении месяца.

Москва

Алла смотрела на приготовления Карпова в дорогу, подмечая детали. На ее взгляд, он походил на знатока за круглым столом: знал ответ на вопрос, но брал минуту на обсуждение. Он пролистал свой паспорт, как будто считал страницы, все ли они на месте. Положил его во внутренний карман пиджака, висящего на спинке стула. Перебрал наличные, убрал из бумажника лишние карты – на скидки, оставил только кредитки. Развернул и пробежал глазами какую-то бумажку, возможно, памятку, сложил ее и вернул на место. Проверил, на месте ли водительское удостоверение международного образца. Последней вещью, которой он пополнил бумажник, стала пластинка с таблетками против головной боли.

Дальше он взялся за изучение паспорта Саши Котика. Одной из главных вещей в нем сам Карпов назвал наличие въездной визы. На фото Саша выглядел... как обычно (два года тому назад он фотографировался на паспорт, и оставшиеся две фотографии Алла сохранила), таким, каким запомнила его Алла. Последний год он носил прическу – длинная челка с растрепанными кудрями, короткие виски и затылок. Саша следил за своим имиджем и за решеткой (об этом Алла могла судить по видеороликам с участием Котика), а образ его состоял всего из одного слова: *ухоженность*. Всегда казалось, что над его укладкой поработал мастер модного дома «Кристиан Диор». Кто стриг его там, на филиппинском острове? Может быть, заключенный «родом из подворотни»? Может быть, он безжалостно расправился с роскошной шевелюрой Саши?.. Это была вынужденная необходимость, особый пункт в плане побега, разработанном Сержем Карповым.

Все разделы его плана, с которым ознакомилась Алла, были сильными, кроме, пожалуй, одного, и касалось это внешности беглеца. Ведь после побега в ориентировках на него будет фигурировать снимок «денди». Хотя... Алла пропустила один момент: Саша уже изменил внешность, отдав свои волосы, свой имидж местному цирюльнику. Полиция Филиппин будет ориентирована на стриженного под ноль человека? На этот вопрос Карпов ответил: «Положись на меня». Он постепенно приручил Аллу, которая еще совсем недавно, спросив его, каким образом он собирается передать план побега заключенному, предупредила его: «Только не говори: я найду возможность». Ей был нужен развернутый ответ, конкретные детали, чтобы пропитаться доверием к Карпову. Тогда он ответил вопросом на вопрос, поставившим Аллу в тупик... Карпов постепенно приручил ее, может быть, даже сбил с нее спесь. Он был уверенным в себе человеком. Он давал и ей, и Саше работу. Он был правдивым, в смысле – открытым. Точнее – приоткрытым: заглянуть можно, а войти нельзя. Кое-какие детали, касающиеся его связей в военной разведке, он по понятным причинам раскрыть не мог. А хотелось бы заглянуть в него поглубже.

Алла заглянула в другую часть его жизни – личную. И с удивлением обнаружила одинокого человека в пустом прохладном доме. Одиночество его было печальным; он находился в состоянии ожидания: вот-вот объявят посадку, и он, подхватив свой багаж, поспешит к поезду. Закрытый, замкнутый человек, он, казалось Алле, приобрел семью в лице Аллы и Саши. Но печаль переметнулась в его сердце. Он привык к вечерним визитам дамы по имени Одиночество, но ждал, когда в дверь постучит другая... Он не сделал ни одного шага ей навстречу – не потому что был робок, а потому что уважал своего партнера (и сейчас не имеет смысла перемывать кости его уважения; если бы он перестал уважать Сашу, он бы оставил все как есть и не ринулся с головой в рискованное мероприятие).

Классический треугольник: двое мужчин и одна женщина. Карпов добился своего наполовину и теперь снова готовится к встрече со своим прежним состоянием. Он добровольно отказывался от Аллы в пользу Саши. Так надо было понимать грусть в его глазах. Он держал данное обещание. По-рыцарски скучновато: кто-то сохнет по твоему сердцу, ничего не делая для завоевания твоего тела, – ну и что? Ведь если потрясти за тело, то можно всколыхнуть и душу. Обменяться дыханием – тоже кое-что значит.

Саше предстоит возвращаться с группой из России, прибывшей на международную конференцию в Себу «Скажи наркотикам – нет». Встречи уже начались. Алла читала об этом в электронной прессе и невольно представляла Сашу среди гостей в Международном конференц-зале: в парике, постриженном в московском салоне; в очках с дымчатыми стеклами; в джинсах и пиджаке... Глава российской делегации задавать вопросов не станет, сказал Карпов. Так что сердце Аллы пусть успокоится. Конечно, пройти контроль в составе международной делегации, в составе которой числится и Саша, несравненно легче и надежнее, чем в составе туристической группы или в одиночку. Карпов и так сделал много. Нет, он провернул огромную работу. Он фактически указал на один из своих контактов пальцем: *это глава российской делегации*. Найти его фамилию оказалось проще простого. Алла зашла на сайт, созданный специально для этого мероприятия, и среди глав делегаций нашла некоего Юрия Иванова. И в лоб спросила Карпова: «Кто он? Расскажи о нем подробнее». – «Он полковник ГРУ в отставке. Курировал одно из азиатских направлений. Это все, что я могу сказать о нем». Спасибо и на этом. Многие прояснились...

Обратный билет для Саши заказан, ему нужно будет только получить его в аэропорту Мактан.

Не слишком ли сложный план? На этот вопрос Аллы Карпов ответил цитатой из фильма «Откройте, полиция!»: «Если все упрощать, то умирать нужно прямо на кладбище». Алла отчетливо представила себе это мрачное и торжественное место. Гроб уже спущен в могилу, ей остается спуститься вниз, лечь в него и накрыться крышкой, а гробовщикам – дожидаться ее смерти, и ждут они, конечно же, недолго.

Все – Карпов разложил все свои вещи и памятки по полочкам. Ему пора в дорогу. Однако...

Он сдвинул брови. *Неужели обнаружил недочет в своей работе?* Перехватив напряженный взгляд Аллы, он пояснил:

– Я забронировал «Фольксваген» в Себу-даунтауне на два дня. И вернуть его должен туда же. Тогда как мне следовало указать возврат машины в аэропорту. А отгонять его обратно у меня не хватит времени. Ничего, я исправлю это на месте.

Он не назвал «это» даже ошибкой. И какая это ошибка? Это все равно что запланировать чистку зубов справа налево, а сделать наоборот.

Автомобиль Карпов забронировал на свое имя, потому что бронирование для Саши вылилось бы в дополнительные трудности: покупка водительских прав, изготовление кредитной карты на имя водителя... Именно в эту машину – «Фольксваген Джетта» – и сядет Саша. Она станет для него чем-то вроде посольского автомобиля, в нем он ощутит относительную безопасность и надежду на удачный финал. К этому моменту он пройдет значительную часть пути, ориентируясь по вехам-инструкциям Карпова – Кейна. Дальше – продолжительная остановка в гибриде отель-мотель (некоторые мотели на Себу вообще предоставляют услуги бизнес-центра, спортзала), где в забронированном номере Саша приведет себя в порядок, примерит парик и озорно улыбнется своему недавно потерянному облику... Алла не могла представить его в облике негра, а если бы увидела вот сейчас, то рассмеялась бы.

Вот сейчас ей нужно поцеловать Карпова и пожелать ему пока что счастливого пути; удачи она пожелает в телефонном разговоре, когда Серж сообщит ей, что он – на месте. А потом ей нужно будет набраться терпения...

Она не железная. Скорее, оказалась сделанной из воска. Податливая в горячих руках Карпова, она приняла нужную ему форму. А теперь ей необходимо было остыть.

И все же она пожелала Карпову удачи и поцеловала его в губы. В последний, как ей хотелось верить, раз.

Она осталась одна. Как будто не зная, чем себя занять, она открыла ноутбук и вошла на официальный сайт правительства Себу. Ей показалось, она стала ближе к Саше и даже испугалась этого.

Себу. Четвертый по величине и старейший город на Филиппинах и главное европейское поселение. Еще Магеллан установил в Себу деревянный крест, и его остатки теперь вделаны в другой, черный крест из дерева тиндало. Не слишком ли мрачно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.